

Лу Синна ещё ничего не сказала, как Лу Цзе уже засмеялся. Его смех был совсем не таким, как обычно, когда он хмурился, — сейчас он был по-детски искренним. Лу Синна вспомнила его в детстве, нос у неё защипало, и она чуть не заплакала.

Лу Юань сидел напротив и, наблюдая за ними, вдруг осознал, что его роль на самом деле очень важна.

Если бы не он, атмосфера за дверью операционной не была бы столь лёгкой. Если бы не он, Лу Цзе не смеялся бы так. Как сказал дедушка, защита Родины — великое дело, и как ни крути, он приложился к первой части — к дому.

Настроение Лу Юаня наконец поднялось, а когда дедушку в целости и сохранности выкатили из операционной, оно стало ещё лучше.

— Операция прошла очень успешно, нужно немного понаблюдать за состоянием, примерно через десять дней можно выписываться, а потом нужно регулярно приходить на химиотерапию...

Врач говорил по-английски слишком быстро, Лу Юань понял лишь несколько фраз, но этого хватило:

— Я тоже должен лежать в больнице десять дней! Когда дедушка выпишется, тогда и я выпишусь!

Шлёп!

Хотя его снова ударили, это никак не могло испортить Лу Юаню настроение. Он улыбался весь день, и только к вечеру улыбка сползла с лица.

Проклятый Ли Цун!

Лу Юань, как вор, прятался в тёмном углу, скрипя зубами и глядя издали на мужчину в белом халате, стоявшего к нему спиной.

Как в мире может быть человек, у которого даже спина вызывает такое раздражение!

Ли Цун говорил по телефону, его голос был невероятно мягким:

— Ты поужинал? Нельзя не есть, ты же знаешь, у тебя слабый желудок... Насчёт денег не переживай, я решу. На ночь помни закрывать окно, береги себя, не простуди.

Лицемер!

Стоп, кажется, он очень нуждается в деньгах.

Лу Юань придумал, как отомстить ему.

Он в спешке побежал обратно в палату, увидев родителей, сидевших у кровати дедушки, немного поколебался, потом потянул Сун Чжаоди за одежду:

— Мама, выйди на минуточку, мне нужно кое-что сказать.

Сун Чжаоди с недоумением последовала за ним:

— Какие там секреты?

— Мамуля~ — Лу Юань принял льстивое выражение лица, как лиса, навещающая курятник. — Ты не можешь дать мне немного денег...

— Твоя тётя разве не даёт тебе карманные деньги каждую неделю? Зачем тебе деньги?

Лу Юань противно так обнял Сун Чжаоди:

— Я иногда с одноклассниками гуляю, трачу много, неловко у тёти просить. Я уже взрослый, у меня же должна быть социальная жизнь~

Сун Чжаоди похлопала его по лбу:

— Вот правильно. Если нужны деньги — говори маме. В прошлый раз, когда ты везде занимал, папа две ночи не спал от злости. Хорошо, что это было из-за Мулия, а если бы из-за другого, он бы тебя точно отлупил.

— Я же боялся, что папа просто даст деньги Линь Гэ, ты же знаешь, он бы точно не принял...

— Я знаю. А сколько тебе нужно?

Лу Юань потер ладони:

— Вообще, до окончания учёбы я попрошу только этот один раз. Нет, после выпуска я буду сам зарабатывать, всю жизнь попрошу только этот раз. Мама, решай сама!

Глядя на нежное личико сына, Сун Чжаоди была готова достать для него звезды с неба, не то что деньги.

В этом мире много людей, которые хорошо относятся к Лу Юаню — по разным причинам и по-разному. Есть молчаливые, есть мягкие, как вода, есть те, у кого грубый язык, но мягкое сердце. Если сказать прямо, то даже если у него есть силы, их некуда применить, поэтому роль матери Сун Чжаоди часто ослабевала.

На самом деле, за исключением того времени, когда он был на грудном вскармливании, Лу Юань был воспитан домашней няней, Лу Шэном и Шэнь Мулинем. Со стороны это выглядело не так, как в обычных семьях, где мать занимает почётное место в сердце ребёнка.

Но Лу Юань отлично знал, что только Сун Чжаоди, выносившая его девять месяцев, будет безоговорочно доверять ему и никогда не подумает, что он испортится из-за денег.

Увидев сумму перевода в СМС, Лу Юань чмокнул её в щеку:

— Люблю тебя!

Сун Чжаоди улыбнулась, её круглое, полное лицо сияло любовью:

— Это тебе не просто так, ты должен в старости заботиться о маме, понял?

— Угу, обязательно буду!

Когда Лу Юань это говорил, его чёрные глазки были чистыми и прозрачными.

...

После десяти вечера дедушка крепко уснул. Семья тихо обсудила это и всё же решила оставить Лу Синцзюня, а остальные отправились домой отдыхать.

Хотя дедушка сейчас был зол на Лу Синцзюня, ничего не поделаешь: в палате была только одна кровать для сопровождающего, а Лу Юань ни за что не хотел уходить. Могли бы ютиться вместе и ухаживать за дедушкой только с Лу Синцзюнем.

— Папа, ты в душ не пойдёшь?

— Да какой там душ. — Лу Синцзюнь проснулся сегодня в четыре утра и до сих пор не смыкал глаз; от усталости он уже немного бредил. Лёжа на кровати, он бормотал. — Ты посторожи у дедушки, в три часа разбуди меня, я сменю тебя.

Лу Юань кивнул, а потом услышал, как Лу Синцзюнь, словно во сне, пробормотал:

— Если я буду храпеть, ты меня растолкай...

Не прошло и десяти секунд, как раздался храп.

Лу Юань посмотрел на дедушку, убедился, что тот не мешается, и облегчённо вздохнул, следом зевнув.

Как же хотелось спать.

Боясь уснуть, Лу Юань достал из-под кровати бутылку кофе, открутил крышку и залпом выпил больше половины. Горький вкус его немного взбодрил, но немного закружилась голова и стало тошнительно.

Под влиянием дедушки Лу Юань больше любил чай, чем кофе. Хотя чай тоже немного горький, после горечи остаётся приятная сладость, а аромат свежий и бодрящий.

Лу Юань вспомнил прошлый разговор с дедушкой.

Чай похож на человека: нужно тщательно пробовать, чтобы понять истинный вкус.

В его подсознании всплыл образ Ли Цуна — от первой встречи до последней, он словно пересмотрел этот урок.

Всё, только очнувшись, он тихо и зло выругался:

— Чёрт.

Лу Юань хотел дать себе пощёчину, но на самом деле не смог поднять руку на себя, лишь слегка коснулся лица.

Ладонь коснулась щеки: одна сторона была ледяной, другая — обжигающе горячей.

Просто сумасшествие!

Лу Юань встал, быстрым шагом пошёл в ванную, открыл кран, зачерпнул воды в ладони и плеснул в лицо, намочив волосы, но это не помогло сбить этот странный жар.

А... Наверное, у него температура.

Вытерев лицо полотенцем, Лу Юань на цыпочках вышел из палаты и подошёл к посту медсестёр:

— Сестрёнка, можно у вас градусник взять?

Лу Юань всех старше называл братом или сестрой, даже если медсестра на вид была лет сорок пять.

Дремавшая дежурная медсестра сразу встрепенулась, встала и спросила:

— Ты что, простудился?

— Наверное, лицо горячее.

Медсестра пододвинула стул и с улыбкой сказала:

— Садись, сейчас измерим.

Затем она достала из прозрачной коробки новый градусник и подошла к Лу Юаню:

— Открой рот.

Лу Юань послушно открыл рот и зажал градусник.

Сейчас в больницах за границей и дома температуру меряют либо во рту, либо в подмышечной впадине. Лу Юань представил, как бы он изобрёл аппарат, который прикладываешь к лицу — и он сразу «дзынь» показывает температуру, запатентовал бы его и захватил бы весь рынок, тогда бы он точно разбогател.

Хм, одной мысли об этом уже стало тяжело.

— Лина.

Услышав знакомый голос, Лу Юань резко обернулся.

Ли Цун стоял менее чем в двух метрах от него, держа в руках историю болезни, серьёзно и сосредоточенно объясняя медсестре что-то на профессиональном языке, чего Лу Юань совсем не понимал. Его изящный профиль в свете коридорных ламп казался очень чистым и красивым.

Лу Юань на секунду замер, уставившись на него.

Пока взгляд Ли Цуна слегка сместился и не встретился с его.

Ух!

— Что с ним?

— Возможно, высокая температура, должно быть, сильная. Смотрите, как он покраснел. — Медсестра взглянула на часы и сказала Лу Юаню. — Всё, давай сюда, посмотрию.

Лу Юань, зажав градусник во рту, с напряжённым телом подошёл к Ли Цуну.

Медсестра хихикнула:

— Доставай же.

— ...На.

— Ой, а температура нормальная, нет жара.

Температура нормальная? Значит, ненормален я.

Лицо Лу Юаня мгновенно стало белым как мел.

Медсестра испугалась его внезапной бледности и поспешно сказала Ли Цуну:

— Вы его посмотрите.

— Хорошо. — Ли Цун спокойно отозвался, глядя на Лу Юаня так же, как на обычного пациента. — Садись.

— ... — Лу Юань посмотрел на него и с поникшим видом снова сел на стул.

<http://bllate.org/book/16406/1486209>